

Бескрайняя пустошь. На самом краю горизонта небо сливалось с бесконечными желтыми песками; раскаленный воздух дрожал, и бархан за барханом лениво катился по воле ветра.

Посреди безжизненной Большой Песчаной пустыни тянулись безупречно прямые армейские трассы. Словно выпущенные из лука стрелы, они сходились в одной точке, ведя к самому сердцу этого места — секретной базе Федерального правительства.

На юго-западе безжизненных песков раскинулось рукотворное чудо — сочный, приковывающий взгляд зеленый оазис, ставший триумфом человеческого гения над первозданной стихией.

Хань Цзин стоял в первых рядах, безупречно выпрямив спину. На нем была серо-голубая офицерская форма. Обладатель погон двухзвездного генерал-майора, он сосредоточенно и сурово смотрел перед собой. В его облике больше не осталось и следа от прежней студенческой беззаботности или мягкой домашней деликатности — перед трибуной стоял закаленный, превосходно обученный солдат.

Рядом замер его давний соратник Роджер. Тоже в чине генерал-майора, он внимательно внимал каждому слову Мориса, вещавшего с трибуны.

Морис оставался верен себе: холодный, непреклонный и властный. Его твердый, исполненный авторитета голос проникал в самую душу каждого стоявшего в строю — и никто бы не заподозрил, что этот волевой командир носит под сердцем ребенка. О беременности генерала высшему командованию стало известно во время планового осмотра перед началом экспедиции на Харон. Из-за его безупречной физиологии и стратегических данных, привезенных миссией SG-I, утаить этот факт от верхушки было попросту нереально. Но сейчас, когда Морис сосредоточил в своих руках колоссальную власть, никто не смел плести интриги или распускать грязные слухи, как в былые годы. Офицеры рангом ниже — даже уровня Хань Цзина — и вовсе ни о чем не догадывались.

— Ну наконец-то он закончил! — Роджер стянул фуражку и по-дружески закинул руку на плечо Хань Цзина. — Дисциплина, устав, угроза метеоритных потоков, внезапные атаки... Каждый раз одно и то же, запугивает нас до полусмерти.

— М-да, суров твой благоверный. Ледышка бесчувственная, то ли дело мой Гленн! — Роджер сочувственно похлопал друга по плечу, но заговорил вполголоса, явно не решаясь по-настоящему наглеть. — Ты у нас вообще любитель экстремального спорта. Как тебе удалось растопить этот ледник? Морис сейчас на самом пике, Четырехзвездный генерал, а поговаривают, скоро и маршала получит. Ну ведь правда?

Роджер вел себя с Хань Цзином точь-в-точь как во времена учебы. Свадьба Хань Цзина и Мориса ничуть не испортила их студенческую дружбу.

Роджер невольно вздохнул. Он до сих пор не понимал, какими такими скрытыми талантами обладал его младший сокурсник, раз сумел заставить неприступного Мориса — их верховного

главнокомандующего — так беззаветно полюбить себя и даже подарить ему ребенка? Сам Роджер при встрече с генералом, пусть даже на неофициальных приемах, под маской уверенности всегда ощущал безотчетный, глубокий трепет.

— И все-таки, как тебе это удалось? — не дожидаясь ответа, Роджер засыпал его вопросами.

Натыкаясь на этот расспрос уже не первый год, Хань Цзин лишь усмехнулся:

— Наверное, это судьба. Я люблю его, он любит меня. Все точно так же, как у тебя с Гленном. Просто и без секретов.

— Ну-ну... — Роджера такой ответ явно не устроил.

Офицеры вокруг спешно поднимались на борт «Авроры» — суэта была упорядоченной, и на их тихий разговор никто не обращал внимания.

— Эх, жаль парня Лэнса с нами нет, — Роджер вдруг замер перед трапом «Авроры», сжав поручень, и устремил взгляд на выжженную солнцем пустыню. Клубящийся на горизонте песок и плавающий от зноя воздух вмиг унесли его мысли к самому мрачному кошмару его жизни — чужой планете Uīws, где они когда-то влачили рабское существование у инопланетных тварей.

Тот кошмар преследовал его до сих пор. Чужаки, пугающе похожие на людей, бескрайние багровые земли, напоминающие земные пустыни, и островерхие готические башни, вонзающиеся в небо, словно иглы гигантских ежей посреди раскаленного марева бесплодного мира.

Бесконечные пытки, зловонная, черная как чернила вода реки Майсе... Но даже это не могло сравниться с леденящими кровь воспоминаниями об их отчаянном побеге. Шок, первобытный страх и гнетущее предчувствие скорой гибели въелись в самую плоть, оставив шрамы, которые не заживут до конца его дней.

Космический корабль «Испания»... Раса Паэтри, правители мира Идо, владели исполинским межзвездным ковчегом, способным в один миг заслонить солнце и погрузить во тьму небо над всей Океанией!

Земная «Аврора» казалась рядом с ним жалкой щепкой — контраст был столь же разителен, как бумажный кораблик на ладони рядом с тяжелым авианосцем.

Но людям свойственно цепляться за глупую надежду. Движимое алчностью и амбициями, человечество быстро скатывается в слепой оптимизм. Никто не сомневался в подлинности отчетов миссии SG-I, а свежие цветы на могиле Кэтрин никогда не увядали, однако мало кто по-настоящему осознавал масштаб угрозы. Они не чувствовали того парализующего ужаса

перед цивилизацией, превосходящей человечество на тысячи поколений вперед.

Не испытав этого на собственной шкуре, но смутно предчувствуя скрытую угрозу, Федеральное правительство поддалось панике. Итогом стал их упрямый план по запуску Звездных врат ради контакта с Элохим — цивилизацией высшего порядка.

«К счастью, у них ничего не вышло...» — Роджер тяжело вздохнул. Как и все уцелевшие участники SG-I, он до последнего противился любым попыткам активировать Звездные врата.

Липкое предчувствие беды навсегда поселилось в его душе.

Хань Цзин разделял тревогу друга. Его тоже одолевали смутные предчувствия. Когда-то он не понимал великих ученых прошлого, которые приносили свои жизни в жертву прогрессу, ведь современное общество превыше всего ставило личную свободу и благополучие отдельного человека. Но после возвращения из экспедиции SG-I его мировоззрение перевернулось. Теперь он был готов без остатка сжечь себя, посвятив жизнь изучению звездной системы Эрра и сохранению знаний о внеземных цивилизациях для будущих поколений.

— Слышал, Хелен слегла. Лэнс ни на шаг от нее не отходит, — заговорил Хань Цзин, возвращаясь к реальности. — К тому же неудачная попытка связаться с Элохим сильно подкосила Симо.

— Ну а чего он хотел, когда настоял на браке с Симо? — Роджер горько усмехнулся. — Их ребенок — плод союза человека и уроженца Камеры. А ведь Камера — это раса, на которой лежит проклятие Руны.

При упоминании Руны с лица Роджера сошла привычная улыбка, а в глазах промелькнул суеверный страх.

У Хань Цзина екнуло сердце. Руна, подобно Атлантиде, воспринималась человечеством как некое демиургическое начало. Но она была куда опаснее Альтерана. Альтеранцы давно сгинули в веках, тогда как Руна по-прежнему, спустя миллионы лет, безраздельно властвовала над колоссальной звездной системой.

— Ладно, нам с тобой повезло куда больше! — Роджер попытался сбросить гнетущее оцепенение и снова улыбнулся. — Как там поживает твоя Кэтрин? Знал бы ты, какой у меня сорванец растет — сущий кошмар! Если бы он посидел смирно хоть минуту, как его сестренка Энн, я был бы на седьмом небе от счастья.

— Мальчишкам положено озорничать, сами такими были, — с улыбкой отозвался Хань Цзин.

Разговоры о детях заметно приободрили обоих. Пока они поднимались на борт «Авроры» и шли по коридорам к жилым секциям, тема родительских хлопот не утихала ни на минуту.

— О, моя каюта прямо напротив твоей, слева, — Роджер сверился с номером на панели и удивленно уставился на багаж друга. — Погоди, ты притащил два сорокапятидюймовых чемодана?! Хань Цзин, ты же не в первый раз поднимаешься на «Аврору» и летишь на Харон. К чему такой гардероб?

Хань Цзин наклонился, с трудом вытаскивая из раздаточного люка последний чемодан — тот оказался невероятно тяжелым.

— Нас вообще-то двое на «Авроре», — Хань Цзин заговорщически улыбнулся и оглянулся на Роджера.

— Заботливый ты наш, так и мамочкой стать недолго, — усмехнулся Роджер, доставая свой багаж. — На «Авроре» полно пищевых синтезаторов и кухонь. К тому же он верховный главнокомандующий, его паек точно получше нашего будет.

Не обращая внимания на подначки, Хань Цзин добродушно ответил:

— В армии все равны, Морис питается так же просто, как и мы. К тому же на тридцать пятом ярусе есть общая кухня. Тесновата, конечно, но приготовить что-нибудь домашнее там вполне можно.

— Ты и так будешь пахать как проклятый, неужели думаешь, что после смены у тебя останутся силы стоять у плиты ради своего генерала?

— Что поделать, если мне это в радость? — легко отозвался Хань Цзин. Роджер знал его как облупленного, поэтому юлить не имело смысла, хотя о беременности Мориса он, разумеется, умолчал.

Роджер приложил ладонь к козырьку и делано заныл от зависти:

— Завидую белой завистью! Кому-то домашние разносолы, а мне, несчастному бобылю, придется целых три месяца давиться безвкусным сублимированным пайком! Не могу больше это слушать, а то расплачусь. Встретимся в рабочем секторе D-81, дорогой младший сокурсник, — Роджер шутливо покачал головой и скрылся за автоматической дверью своей каюты.

Затащив тяжелые чемоданы в каюту, Хань Цзин обессиленно опустился на край кровати и шумно выдохнул, уставившись в матово-серый металлический потолок.

Каюта Мориса располагалась ярусом выше. Генерал только что закончил долгий инструктаж. Успел ли он хоть немного отдохнуть? Или опять, наплевав на здоровье, засел за бесконечные отчеты?

На «Авроре» царил строгий воинский устав. Из-за разницы в званиях генерал-майор Хань Цзин не мог проживать на одном ярусе со своим супругом, а уж о совместной каюте не шло и речи. Ему оставалось лишь повторять схему прошлой экспедиции к Харону: навещать Мориса по утрам или вечерам. Формально это нарушало протокол, но об их браке знали все, а учитывая статус верховного командующего, офицеры просто закрывали на это глаза. Сам Морис всегда ратовал за четкое разделение личного и служебного, однако его тело, терзаемое непреодолимым генетическим притяжением, отчаянно нуждалось в близости мужа. С этим фактом генералу пришлось смириться.

Хань Цзин принялся быстро разбирать вещи. Большая часть багажа состояла из деликатесов и ингредиентов для целебных отваров. Верный восточным традициям, он считал ласточкины гнезда и сушеные финики лучшими средствами для поддержания сил беременного супруга. Нашлись там и сменные комплекты парадной формы Мориса. Помня о том, что срок беременности составлял всего два месяца — самый опасный период, когда нельзя перенапрягаться, — Хань Цзин постарался взять все тяжелые хлопоты на себя.

«Аврора» готовилась к старту.

Из динамиков полился вежливый голос бортового компьютера, призывающий экипаж занять свои места согласно штатному расписанию. Хань Цзин перед выходом подошел к иллюминатору. «Аврора» была инженерным чудом, о котором человечество два века назад не могло и мечтать. Истинный венец космической мысли, созданный с применением четырехмерных технологий Камеры: шестьсот метров в длину, водоизмещение шестьдесят две тысячи тонн — настоящий межзвездный суперавианосец.

Гордость земной науки, этот исполин приводился в движение термоядерными реакторами и мезонейтринными ускорителями. В массивных ангарах по обоим бортам покоились новейшие образцы вооружения, о которых Хань Цзин докладывал на недавней конференции SGN: маневренные пилотируемые мехи и тяжелые бронированные роботы-танки.

Под низкий гул оживающих систем у Хань Цзина перехватило дыхание. Он посмотрел на сияющее в черноте космоса солнце — светило, некогда казавшееся недосягаемым божеством, теперь было лишь отправной точкой их маршрута. В его груди разлилась волна глубокой, щемящей гордости.

Преодолев притяжение атмосферы, «Аврора» вышла на субсветовую скорость. Исполинский корабль, казавшийся на земле нерушимой горой, на фоне величественной родной планеты выглядел крошечной пылинкой.

Земля сияла первозданной лазурью океанов, а ее вечный спутник — оваянная легендами Луна — казался безжизненным пепельно-серым шаром. Сотни орбитальных спутников кружили вокруг них в безмолвном танце гравитации, непрерывно транслируя терабайты данных на поверхность планеты.

Рядом с этими колоссами и спутники, и сама «Аврора» были лишь песчинками, светящимися в

беспредельной тьме.

Еще пару десятилетий назад, до того как физики совершили прорыв в теории Люкс, человечество было заперто в границах субсветовых скоростей. Простой полет к окраинам Солнечной системы занимал долгие четыре года. К счастью, Федеральное правительство не поддалось искушению урезать космические бюджеты. Напротив, вливания в науку выросли, что позволило достичь орбиты Плутона и его спутника — Харона, изменившего ход истории.

Именно там люди обнаружили следы древней высокоразвитой цивилизации. Это открытие подарило человечеству немыслимые технологические перспективы. Юный и амбициозный Морис, едва окончивший военную академию, вошел в состав самой первой исследовательской группы, высадившейся на Хароне.

Опираясь на технологии атлантов, ученые преодолели барьер субсветовой скорости. Время в пути от Земли до Харона сократилось до одного месяца.

Казалось, древняя раса предвидела собственный крах и знала, какого уровня развития достигнут их преемники, когда доберутся до Харона. Знания открывались постепенно, защищенные сложной системой предохранителей и табу. Дай дикарям каменного века секрет ядерного распада — и они попросту уничтожат себя.

От добывания огня трением и эпохи холодного оружия — к пороху, открытию атома и термоядерному синтезу. Атланты учли каждый шаг, минимизировав риски саморазрушения человечества. Теперь, открывая перед людьми двери в мир истинно высоких технологий, они требовали строгого соблюдения правил: учиться терпеливо, ступень за ступенью, как и тысячи лет назад.

[Время по земному стандарту — 06:00. Координаты позиционирования: 632-XS, долгота девяносто восемь]

[Расстояние до предстоящей стоянки на базе на Юпитере — сто девяносто тысяч километров. Расчетное время прибытия — два часа тридцать шесть минут]

Тихий, вкрадчивый голос диктора разнесся по пустым коридорам, вырывая Хань Цзина из размышлений. Большинство членов экипажа еще спали, и лишь его шаги нарушали металлическое безмолвие переходов.

Он шел с безупречной выправкой, ладно сидевший мундир подчеркивал статную фигуру. Если четыре года назад в нем еще угадывался утонченный интеллигент, то суровая школа жизни превратила его в образцового офицера.

Миновав пост охраны, Хань Цзин повернул направо и остановился у нужной двери. Деликатный стук нарушил тишину.

— Генерал! — едва створка отъехала в сторону, он вытянулся по струнке и отчеканил приветствие.

— Как ты? — едва дверь закрылась, Хань Цзин мгновенно забыл про субординацию. Он шагнул к супругу, обеспокоенно вглядываясь в его бледное лицо. — Кислые сушеные финики помогли? Тебе хоть немного легче?

Переход на космический корабль дался Морису нелегко: с момента старта «Авроры» токсикоз обострился, и каждое утро генерал встречал с нездоровой бледностью.

— Почти нет, — Морис устало прикрыл глаза. — С Кэтрин все было куда проще, а этот малыш изматывает меня с первых дней.

Он резко оборвал фразу и нахмурился, прижав пальцы к губам. Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы перебороть очередной приступ тошноты.

— Но ничего страшного. Тяжело только по утрам, днем я вполне могу держать себя в руках, — заметив, с какой трогательной заботой Хань Цзин усаживает его в кресло, Морис слабо улыбнулся: — Мы ведь проходим через это не впервые. К чему такая паника?

— Как я могу не волноваться? Я ведь не могу быть рядом круглые сутки.

— Ты снова варил для меня отвар? Во сколько же пришлось встать? — Морис принял теплую пиалу с финиковым супом, чувствуя, как сжимается от нежности сердце. Камбуз на тридцать пятом ярусе находился в другом конце жилого блока, а кухонька там была крошечной. Чтобы успеть приготовить все до утреннего обхода, Хань Цзину приходилось подниматься ни свет ни заря. Впрочем, Морис, никогда не стоявший у плиты, слабо представлял себе технологию процесса — чем муж без зазрения совести и пользовался, успокаивая его.

— Да буквально десять минут, сейчас же кругом автоматика, — привычно соврал Хань Цзин. Он с тихой радостью наблюдал, как Морис делает первый глоток. На душе у него было сладко, и подъем в пять утра казался сущим пустяком ради этой минуты.

Морис доверчиво кивнул. Расспрашивать персонал о таких вещах верховному командующему не позволял статус.

— Выпей со мной.

— Если снова подступит тошнота — съешь кислый финик. Мы в космосе, тут не домашние условия, я просто не могу ухаживать за тобой как следует.

— Ты и так делаешь для меня слишком много, — Морис поднял взгляд и мягко коснулся щеки мужа. Его обычно суровые черты смягчились. — Если будешь уставать, не смей вставать так

рано. Лучше поспи лишний час. Ты заботаешься обо мне так же трепетно, как и четыре года назад.

Морис тепло улыбнулся и, потянувшись вперед, нежно поцеловал супруга. Любовь и внимание Хань Цзина растопили не только лед в сердце тестя, но и заслужили уважение у всего экипажа «Авроры». Морис ни разу не пожалел о своем выборе. Рядом с этим мужчиной он обрел покой и счастье, о котором когда-то говорила его мать. Каждую ночь его присутствие рядом дарило ощущение домашнего тепла.

Отвечая на ласку, Хань Цзин осторожно обнял мужа за талию. Строгий генеральский мундир ничуть не умалял притягательности Мориса — напротив, в этот момент Хань Цзин почувствовал, как в нем разгорается горячее желание.

Возбуждение волной затопило тело, но ладони, лежавшие на его плечах, вдруг мягко отстранили его.

— Дай мне допить, — негромко попросил Морис, опуская глаза, чтобы скрыть вспыхнувшее во взгляде нетерпение.

Проклятие Атлантиды давно лишило его возможности сопротивляться этому человеку. Теперь, когда их чувства стали взаимными, любая вспышка страсти лишала его воли. Внизу живота разлилось томительное, требовательное тепло.

Эти полунамеки дразнили Хань Цзина, словно кошачьи когти. Их тела были созданы друг для друга с пугающей безупречностью; не только Морис потерял голову от этой связи, но и сам Хань Цзин увязал в ней все глубже, не желая спасения.

— Отец не выходил на связь? Как там Кэтрин? — пытаюсь унять внутреннюю дрожь, Хань Цзин отстранился и взял со столика рамку. На снимке счастливый Морис держал на руках их улыбающуюся дочь, прижимаясь к плечу мужа.

— Не переживай, Кэтрин умница, слушается дедушку, — ответил Морис, но его брови слегка сошлись у переносицы. — Хотя... отец обмолвился, что малышка иногда жалуется на недомогание. Говорит, что ей грустно и она очень хочет, чтобы мы поскорее вернулись.

— Она заболела? — Хань Цзин мгновенно напрягся. Кэтрин унаследовала его безупречную генетическую структуру, у нее был совершенный иммунитет, исключаящий любые известные болезни.

— Нет, — покачал головой Морис, хотя в его голосе сквозило беспокойство. — Отец водил её к врачам и даже настоял на полном сканировании в лаборатории правительства. Все показатели в норме. Она абсолютно здорова, генетический маркер безупречен. Думаю, она просто капризничает. Нас нет уже полмесяца, она соскучилась. Ты ведь тоже по ней тоскуешь?

— Конечно. Каждую ночь, когда ты уходишь, каюта кажется мне ледяной пустыней. Я только и делаю, что думаю о тебе и о нашей девочке, — Морис потянулся к нему, и золотое шитье на его генеральских погонах блеснуло в свете ламп. Он крепко обнял Хань Цзина за шею.

— И я... — Хань Цзин бережно привлек его к себе, стараясь не давить на живот. Его пальцы скользнули к верхним пуговицам генеральского кителя, аккуратно расстегивая их одну за другой. — Я так привык засыпать, обнимая тебя, что теперь один не могу сомкнуть глаз.

— Погоди, — Морис перехватил его ладонь, шутливо нахмурившись. — Ловко ты научился справляться с пуговицами. Только... я не хочу на кровати.

— А? — Хань Цзин растерялся, но Морис тихо пояснил: — У нас слишком мало времени.

— Давай прямо здесь, — тихо скомандовал Морис и сам принялся расстегивать ремень брюк.

С момента их свадьбы физическое притяжение между ними из-за влияния генов атлантов превратилось в еженощное безумие, страстное и ненасытное. Морис давно отбросил прежнюю скованность, но где-то в самых потаенных уголках сознания все еще копошился едва уловимый призрак былого унижения. Он искренне любил мужа, но это странное чувство — тонкая, едва заметная тень стыда за собственную покорность — порой отравляло его душу.

Когда брюки соскользнули с бедер, Морис на мгновение замер, скованный этим привычным внутренним противоречием.

Хань Цзин все прекрасно понимал. За годы брака Морис стал куда раскованнее в постели, но этот первый шаг всегда давался ему через внутреннюю борьбу. И именно эта уязвимость сводила Хань Цзина с ума. Шагнув вплотную, он обнял генерала сзади, упершись ладонями в его бедра, и скользнул пальцами под белье. Едва коснувшись разгоряченной плоти, он почувствовал, как Морис вздрогнул всем телом и судорожно вцепился в его плечи.

— Быстрее... — хрипло выдохнул Морис. Он попытался дотянуться до ремня Хань Цзина, но его податливое тело, давно приученное к ласкам мужа, предательски плавилось от нетерпения, хоть признавать это вслух генерал ни за что бы не стал.

Колени Мориса подогнулись. Он уткнулся горящим лицом в шею Хань Цзина, вдыхая его запах, даривший ему чувство абсолютной безопасности, и прислушался к нежному шепоту:

— Облокотись о край кровати, хорошо? Так тебе будет легче держать равновесие, и для малыша это безопасно.

Морис недовольно нахмурился, гневно зыркнув на супруга. Но эта попытка вернуть суровый вид провалилась: его лицо горело румянцем желания, а ледяной взгляд генерала растаял под напором страсти. Встретившись глазами с мягко улыбающимся Хань Цзином, он увидел в его

лице лишь безграничную нежность.

— Тебе ведь понравилось в прошлый раз? И сил тратить не нужно, и ощущения ярче, — Хань Цзин ласково перебирал длинные золотистые пряди волос мужа, умоляюще заглядывая ему в лицо.

Поза сзади всегда смущала генерала. Разумеется, между любящими супругами не должно быть запретов, но Морису до сих пор требовалось немало усилий, чтобы переступить через внутренний барьер. С другой стороны, именно эта недоступность делала ощущения невероятно острыми. Морис колебался, но, взвесив все за и против — деликатное положение, острую нехватку времени, — наконец сдался и едва заметно кивнул.

Опасаясь, что муж ушибет колени, Хань Цзин бросил на пол у кровати пару подушек. Морис опустил на них и уперся руками в матрас. В этот миг его вновь кольнуло сомнение — ему безумно захотелось вернуться на постель.

Но Хань Цзин не дал ему передумать. Вид любимого человека, стоявшего перед ним на коленях в расстегнутом генеральском мундире, разжег в его груди первобытное, яростное пламя. Не в силах больше сдерживаться, Хань Цзин подался вперед, одним мощным движением входя в узкое, горячее лоно своего супруга.

Из горла Мориса вырвался приглушенный стон. Это не была боль; безумная, сладостная волна накрыла его с головой, лишая рассудка. Хань Цзин двигался медленно, но Морис уже уронил голову на руки, содрогаясь от пронзительного удовольствия, от которого хотелось одновременно и бежать, и раствориться в нем без остатка.

Здесь, на военном корабле, он не мог позволить себе кричать так же свободно, как дома. Ему приходилось из последних сил сдерживать рвущиеся из груди стоны, превращая их в тихие, прерывистые вздохи.

«Как я дошел до этого? Как позволил себе так опуститься?»

Слово «падение» лучше всего описывало его нынешнее состояние.

Вспышки оргазма уносили его сознание куда-то далеко, возвращая к событиям последних лет. Все эти четыре года Хань Цзин, оберегая его здоровье, строго настаивал на барьерной контрацепции. Но эта незавершенность близости изо дня в день изводила Мориса. Воля генерала казалась железной, но за четыре года преграда дала течь. Легкое неудовлетворение со временем превратилось в изнуряющую пытку.

Во время их отпуска в Юрике плотина окончательно рухнула. Не в силах больше терпеть, Морис категорически запретил мужу использовать защиту. Это походило на безумие, на зависимость, когда изголодавшееся тело требует чистой, ничем не разбавленной страсти. Полное слияние без преград обрушило на него такую лавину удовольствия, что он

окончательно потерял рассудок и наотрез отказался от любых предосторожностей.

Именно там, в Юрике, он и зачал этого ребенка...

— Тише...

— Не спеши, Морис...

Слыша хриплые, прерывистые вздохи своего обычно сдержанного супруга, Хань Цзин покрылся испариной. Он крепко держал Мориса за бедра, бережно контролируя каждое движение, и шептал успокаивающие слова, пытаясь унять его лихорадочную спешку.

Морис вел себя необычайно нетерпеливо. Его тело дрожало от избытка чувств, движения становились все более требовательными, а тесные, влажные стенки внутри сжимали плоть Хань Цзина с невероятной силой.

В какой-то момент инициатива полностью перешла к генералу. Хань Цзину оставалось лишь подстраиваться под его яростный ритм, изо всех сил стараясь уберечь забывшего обо всем Мориса от резких толчков.

В момент, когда оба они замерли на самом пике наслаждения и тело Мориса свело сладостной судорогой, в каюте раздался тихий, механический голос бортового компьютера.

[Время по земному стандарту — 06:40. Координаты позиционирования: 1032-XS, долгота сто тридцать пять]

[Расстояние до предстоящей стоянки на базе на Юпитере — сто двадцать тысяч километров. Расчетное время прибытия — один час сорок шесть минут]

[Вниманию экипажа «Авроры»: всем свободным от вахты сотрудникам прибыть в сектор D-12 строго к 07:00]

<http://bllate.org/book/19677/2006490>